

УДК 316.33
ББК С573.72

В.П. Соломин, К.В. Султанов

УПРАВЛЯЕМОСТЬ ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК*

В условиях демократического развития современного социума свобода личности является ключевым феноменом «истинности» демократии в данном обществе и государстве. Но социальный порядок – не менее важная категория и явление, характеризующее общество вообще и демократическое общество в частности. Каким же образом социальный институт управления способен и может обеспечивать и социальный порядок, и свободу личности, свободу индивидов в данном обществе и государстве? Насколько высокой должна быть управляемость демократического общества? – Эти вопросы анализируются в данной статье.

Ключевые слова:

депрессия, космос, личность, номос, общество, свобода, социальный порядок, тезис, таксис, управление, управляемость, эгрессия.

Весь смысл управления общественными отношениями состоит по существу в создании благоприятных социальных и экономических условий [12], в которых индивиды смогут наилучшим способом личным и коллективным трудом устремляться и достигать благополучия, как собственного, так и общественного в целом. Вся проблематика социальных теорий при этом всегда и неизбежно лежала по существу в поле проблемы: а в каком именно *отношении* должны находиться личное и общественное благо, социальное благополучие и благополучие индивидов. Превалирование *личной свободы* человека, его предприимчивости, предпринимательства [3] как основы для достижения благополучия в либерально-демократическом управлении обществом не подорвала в итоге (как усмотрел это К. Маркс в середине XIX века) блага общественного, благополучия общества. Каким же образом достижение блага, благополучия зависит от социального управления, а точнее, в более конкретной постановке – от степени *управляемости* общества? Ответ, разумеется, не может быть однозначным, но должен привести к достаточно определенному пониманию сути проблемы и должен быть дан, при всей не-

однозначности рассматриваемого соотношения, с достаточной степенью ясности.

Поиск ответа требует, во-первых, рассмотрения первоначально вроде бы всем известного понятия *благополучия*, казалось бы, предельно ясного и доступного нашему сознанию в первичном, обыденном его понимании. Этот вопрос добротным образом отрефлексирован в социальной философии и до нас [10, с. 12–28], хотя он, безусловно, открывает в себе все новые слои понимания и специфику конкретно-исторической и национальной почвы [5, с. 28–44]. Во-вторых, необходимо далее рассмотреть вопрос о том, что такое «управляемость», хорошо это или плохо, а точнее – в какой степени *высокая управляемость* способствует личному и социальному благу, и в какой она противоречит последнему. Можно поставить проблему и иначе, точнее – в несколько измененном срезе: какая *степень* управляемости общества способствует личному и социальному благу? И только тогда, в-третьих, открывается возможность соотнести и рассмотреть сами названные явления через определенные исследователем понятия, увидеть их взаимосвязь, диалектику взаимодействия управляемости и благополучия общества,

* Работа поддержана грантом РФНФ №12-06-00090а «Интеллектуальный потенциал инновационно-го развития России: стратегии модернизации образования».

взаимозависимости этих детерминант общественного развития. Но эти три позиции, три ступени исследования есть задача более крупная, нежели та, которая ставится в данной статье. Мы обозначаем здесь всю последовательность данных задач с тем, чтобы показать, в каком контексте стоит проблема исследования в данной статье.

Социальный порядок – основание управляемости. Управляемость организацией, как заметил А.И. Пригожин, нередко сводят в обыденном понимании только к *контролю*, или степени контролируемости. Однако теория управления, введшая в свой словарь этот термин, понимает под *управляемостью* три фундаментальных детерминанты: 1) *создание порядка*, 2) *существование решений* (куда собственно и входит контроль одной из составных частей), 3) *согласованность целей и действий* (разных субъектов, ведомств, организаций и индивидов). Каждая из названных составных частей управляемости требует основательного подхода в своем анализе и составляет поэтому важнейшие разделы теории управления. Самое сложное в этой триаде, на наш взгляд, – понимание *порядка*, представляемого иногда только в качестве структурной устойчивости той или иной организационной системы или, по метко-метафорическому выражению А. Файоля в еще более редуктивном виде – как «место, где всё находится на своем месте».

В силу сказанного на более детальном рассмотрении порядка [4, с. 434–474] и хотелось бы остановить теперь читательский взгляд.

В социальном индивиде соприкасаются два сущностных начала – личное и социальное. Их взаимодействие, находящееся в единстве, несмотря на генетическую близость, пребывает не только в гармонии, но и испытывает сложные, подчас конфликтные, противоречия. И чтобы сберечь жизнь и свободу каждого, нужны не только социально-управленческие, правовые и нравственные регуляторы, нужна ответственность личности, являющаяся здесь основным регулятором. Свобода есть мера возможности произвольного выбора. И индивид несет ответственность за этот выбор. И если выбранное деяние наносит вред другим людям или ущерб природе, тогда человек виновен. Сплошь и рядом «в свободном обществе» человек что-то делает не потому, что он так хочет, а потому, что так должен. Ответственная свобода неразрывно связана с деятельностью.

Реализация свободы требует, таким образом, необходимого общественного порядка. Порядок может низвести свободу «на нет», он же, как тип общественного устройства, – способен обеспечить и наиболее полную реализацию индивидуальных и социальных потенций, заложенных в сути свободы.

О каких типах социального порядка при этом может идти речь? История, при всем ее многообразии, открывает по существу два принципиально различающихся типа социального порядка, два типа социальной организации – тотальную и либеральную. Своего рода «генетические детерминанты» этого раздвоения заложены в сознании, архетипических качествах, опыте человека, стремящегося как к собственной индивидуальной свободе, так и – не менее настойчиво и энергично – к солидарности с другими людьми. «В каждом из нас, – говорит Э. Дюркгейм, – ...есть два сознания: одно, общее нам со всей нашей группой, которое, следовательно, представляет собой не нас самих, а общество, живущее и действующее в нас; другое, наоборот представляет собой то, что в нас есть личного и отличного, что делает из нас индивида». Разделение труда как закономерный социальный процесс развивает оба эти качества – социальную включенность и личную индивидуальность человека. «Каждый тем теснее зависит от общества, – итожит Дюркгейм, – чем более разделен труд, а с другой – деятельность каждого тем личностнее, чем она более специализирована» [7, с. 138, 139].

А.А. Богданов в своей «Тектологии» на уровне общей методологии построения организаций выделяет среди множества организационных форм два универсальных типа систем – *централистический* (*эгрессия*, от лат. – «выхождение из ряда») и *скелетный* (*дегрессия*, как слова берущего начало также от латинского – «схождение вниз»). Для первого типа характерно наличие центрального, более высоко организованного комплекса, по отношению к которому все остальные комплексы играют роль периферии. В социальном смысле «*централистический*» тип организации есть организация тоталитарного общества, в котором генетически возможно *насилие* центра над периферией, потенциал насилия государства над социальными группами, индивидом. «Системы второго типа, – говорит А.А. Богданов, – напротив, образуются за счет организационно низших группировок, выделяемых сложными организационными пластичными комплексами. Дегрессия

имеет важнейшее положительное значение с организационной точки зрения: лишь она делает возможным развитие пластичных форм, *охраняя нежные комбинации от грубой среды*» [1, с. 9].

Онтология «охраны» «нежных комбинаций» индивидуальности от вмешательства «грубой среды» государственной и какой бы то ни было организационной оболочки представляет собой общее исходное основание либеральной демократии, защищающей индивидуальность и индивида как первичную величину общества.

Тотальная организация выглядит в первом рассмотрении не только эффективнее, но даже и эффективнее по скорости и качеству достижения целей и задач коллектива и всего общества. Так, лозунг: «Даешь Магнитку!» приводит к быстрому успешному результату. Но именно тотальная организация раньше всякой другой организационной структуры ведет к тупикам социального управления, потере самого его смысла. Ибо механически эффективная организация лишает социального индивида смысла его личного существования, «стирает» его свободу. Вслед за многими утопистами, этого никак не замечает, к примеру, и реалист-демократ Н.Г. Чернышевский в своем романе «Что делать?», когда рисует идиллию совместного проживания вместе с чудно пристроенными стариками в приличных общежитиях носящих одинаковую одежду рабочих, романтично-благостно определенных для работы на столь же идеально-благостной фабрике незабвенной со школьной скамьи красавицы Веры Павловны с ее романтическими снами [16]. Экономические основы этой фабрики обозначены едва просматриваемым пунктиром в виде «справедливого» распределения прибыли; проблемы рентабельности, маркетинга не поставлены и вовсе никак. Лишь в исторической практике позналось и выверилось, как по мере усиления организованного руководства экономической, а вслед за ней и социальной организацией человеческое разнообразие уступает место единообразию, ведущему к социальному примитивизму и уравнительной справедливости, на деле означающей пародию на солидарность людей, коллапс производственного развития, а вслед за ними и – социальный тупик. Мечтательно-утопическим образом «рассчитанное на изобилие отступление от свободы во имя принудительной организации приводит в действительности к социальному рабству и нищете», замечает Ф. Хайек [14, с. 29].

Размышления о сути личности и смысле индивидуальной жизни рождают либерально-демократическую концепцию общественной организации. При этом оказывается, что вне собственности и экономической свободы свобода индивидуального проявления человека становится фикцией, формальным звуком, не имеющим устойчивой почвы в реальности. Небывалый подъем индивидуализма в Новое время способствует и укреплению идеи собственности. «На человеческое общество, – как замечает Р. Пайпс, – стали все больше и больше смотреть как на абстрактное понятие, образуемое сложением индивидов, а общественное благополучие считать суммой процветания отдельных личностей. Личное процветание, в свою очередь, стало считаться вознаграждением за разумную жизнь» [9, с. 44].

Кобден и Брайт, Адам Смит и Дэвид Юм, Джон Локк и Мильтон первыми в Новое время формулируют принципы либеральной концепции общественного устройства, уходящего корнями в глубокую античность к принципам индивидуализма Перикла и Фукидида, произрастающим от них словно по ветвям древа социального знания и социальной практики к Тациту и Цицерону и далее к Эразму Роттердамскому и Мишелю Монтеню [14, с. 18]. Основу демократического порядка образуют свобода личности и права человека. Убеждение в том, что только индивид думает и рассуждает, только индивид действует [21, с. 97], становится с тех пор классическим. «Коллективные сущности, – говорит Л. Мизес, – государства, классы, партии и т.п. – сводятся все без исключения к действиям их составляющих индивидов. Для коллективных форм нет иной реальности, кроме действий индивидов как членов общества [22, с. 42]. «Слова об обществе, не зависимо от существования людей, их жизни, дум, поступков, есть метафора, которая может привести к грубейшим ошибкам», – заключает он. Либерализм – это не теория, а политическая доктрина, утверждает Л. Мизес, это применение разработанных праксеологией теорий [22, с. 10–14], в том числе экономической теории, с целью решения проблем человеческого поведения. Праксеология в его трактовке – это общая наука о человеческих поступках, как формулирует Мизес. «Человеческая деятельность, в отличие от набора реакций животного, является волевой и сознательной», – говорит Мизес. «Человеческий поступок всегда рационален по определению». «Любой рациональный поступок является

экономическим» [22, с. 18], – так можно определить сущность праксеологии. Либерализм исходит из того, люди жизнь предпочитают смерти, здоровье – болезням, нормальное питание – недоеданию, благосостояние – бедности. Либерализм аргументирует, как нужно действовать для реализации этих ценностей. Мудрость, наука, искусство расцветают в обществе изобилия, а не в среде нищеты [8, с. 109, 111].

История общества сводится, таким образом, к двум типам социальной организации, второму из которых – либерально-демократическому типу общественного устройства – она отдала предпочтение. При неизбежном неравенстве индивидов их объединение, кооперация на основе разделения труда более выгодна и продуктивна, чем автономное существование отдельных, не зависящих друг от друга людей. Неизбежно, что одни люди умнее или сильнее от природы и по своей природе, другие слабее. Кооперация усилий в конечном итоге выгодна и вторым, и первым на основе разделения практических действий. Объединение по типу эгрессии ведет к тотальному контролю центра над индивидом, к социальному тупику, так как сводит на нет любую человеческую свободу. «Централизованный коллективизм» рождает псевдоколлективность, в которой нет свободного индивида, а значит, нет личности. Организация по типу дегрессии, охраняющая «нежные комбинации» свободных людей, их индивидуальность, индивидуализм, организация, рожденная практикой и технологией либерализма, во-первых, словно на парадоксе, порождает подлинно коллективные отношения, во-вторых, вследствие разнообразного разделения человеческого труда проявляет большую экономическую жизнестойкость и как результат – социальную выживаемость.

Таким образом, главная проблема социального управления и ее производная – проблема управляемости есть в ее развернутом виде проблема эффективности социального *устроения*, социальной организации. Сегодня это заставляет все более пристально обращаться к открытиям теории самоорганизующихся систем. Хаос перестает рассматриваться синергетикой как исключительно деструктивное начало мира, теперь он видится еще субстанцией, самопорождающей структурный порядок. При этом экстраполяция естественнонаучных открытий теории саморазвивающихся систем на социальную область [2] не всегда учитывает различия, выражающие суть порядка [17] в природе и в социуме.

Только частично порядок в мире людей зависит от собственных их усилий и планов. Спонтанный порядок, рождающийся из хаоса, возникающий эмерджентным образом, шире наших обычных, антропоморфных представлений о нем. Когда, к примеру, Анри Файоль в своих «Принципах управления» утверждает, что «порядок – это место для всего, где все находится на своем месте» [18, с. 21], то это может быть принято верным только к определенному типу организации и в известной степени лишь как метафора.

Чтобы различать два принципиальных типа порядка, как утверждает Ф. Хайек, следует обратиться к греческому языку [19, с. 35–54]. Независимый от человеческих планов порядок греки называли термином *cosmos* (космос). А для сотворенного человеком порядка употребляли слово *taxis* (таксис). Космос – это природный, всеобщий, мировой порядок, это вид саморегулирующего порядка, который неизбежно следует учитывать при установлении организованного общественного порядка, таксиса. Таксис вне космоса рождает тотальную организацию закрытого, племенного типа. Социальная организация в духе космоса, содержащая в себе порядок-таксис, соответствует модели открытого, демократического общества, основанного на интенциональных поступках свободно определяющих свои цели людей.

Из этого следуют далеко идущие выводы о смысле и справедливости социального управления, всего общественного устройства. Из космоса и таксиса как типов порядка вытекают и два типа социальных законов – «*nomos*» (номос) и «*thesis*» (тезис) [20]. Словом «номос» в данном случае обозначается универсальная норма безопасного поведения для неопределенного числа будущих случаев для всех индивидов в объективных обстоятельствах, описанных нормой, независимо от результатов в любых частных ситуациях. Эти нормы ограничивают отдельные сферы, давая понять отдельным агентам или группам, какие средства можно использовать для достижения поставленных ими целей, чтобы избежать конфликта [15, с. 82].

Фактически это аспект нормативно-ценностного управления, оставляющего право выбора цели действий за индивидом, ограниченного лишь «универсальной нормой безопасного поведения». Примером могут служить правила дорожного движения. Конкретных целей само регулирования движения не преследует, но реализуется ценность безопасности движения.

Каждый водитель может преследовать вполне конкретные цели, но, если не будут соблюдаться некие общие правила, то эти цели могут оказаться не достигнутыми. И только соблюдение определенных общих правил позволяет множеству участников процесса оптимизировать свою деятельность.

Термином «тезис» следует обозначать, таким образом, те нормы, которые устанавливаются и применяются для достижения целей тех, кто их формулировал. Эти нормы составляют необходимую суть порядка в духе таксиса, они составляют *инструмент управления* соответствующей организацией.

Итак, «номос», отражающий космос, создает основы спонтанно организованного порядка, не имеющего целеполаганий; «тезис» представляется возможным для применения как нормативная база для управления организацией, нуждающейся для достижения своих целей во временном порядке-таксисе. Ибо фабрика, хоккейная команда, симфонический оркестр, кафедра или туристическая фирма неизбежно несут на себе печать искусственного, надприродного порядка, где интенции руководителей и целеполагание являются духом и смыслом создания этих организаций. Однако применение «тезиса» на уровне государственного управления ведет в пределе к подрыву целей и возможностей общественной организации, ибо «тезис-порядок», достигающий абсолюта, уже не учитывает свободу, цели и ценности входящих в и образующих общественную организацию индивидов. Это верно не только для управления институционального уровня, но также и для менеджмента – управления деловой организации, отражающей в себе в меньшей или большей степени тип организации общества. Как метафорически замечает П. Друкер, «организации нового века больше нуждаются в служащих, чем служащие в них», в отличие от той картины промышленной организации, что наблюдалась еще полтора века назад [6, с. 199].

Итак, «тезис», возведенный в главную норму социального законодательства, нарушает спонтанность социальной самоорганизации и ведет к тупикам всеобщей «плановой организации», когда индивид вместо реализации собственных интенций и целей и в ущерб им вынужден принимать за «правило игры» всеобщие «справедливые» цели данного государства, устанавливающего «новый порядок» или ведущего построение «светлого завтра» в

виде «безоблачного» «коммунистического самоуправления».

«Номос» и «тезис», таким образом, определяют собой два типа социальных законов, когда первый устанавливает универсальные нормы поведения индивидов, второй – нормы построения организации, вплоть до государственной организации. Первая совокупность законодательных норм образует *частное право*, защищающее свободу индивида, его самостоятельный выбор ценностей в корреляции их с ценностями и свободами других людей. Второй тип законов образует *публичное право*, устанавливающее цели государственной организации, а также обозначающее основные социальные ценности в рамках данного государства. Преобладание публичного права над частным ведет к ограничению и в конечном итоге к потере индивидуального смысла деятельности свободного индивида. «Концепция закона и идеал свободы умирали всякий раз, – подчеркивает это обстоятельство Ф. Хайек, – когда закон трактовали как инструмент для достижения целей правительства». Постепенная замена частного права публичным составляют часть процесса перерождения свободного общества и спонтанного порядка, космоса в организацию в духе таксиса. Тогда нормы здорового индивидуального поведения, образующие коммуникативную справедливость, заменяются дистрибутивной (распределительной) справедливостью, скрытой за общим звучным понятием «социальная справедливость». «В законодательных собраниях, – говорит Хайек по этому поводу, – почти полностью утратили понимание фундаментальной разницы между законом как *универсальным правилом поведения* и законом как частной инструкцией для *управления*» [15; 84–85].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Постановка вопроса о двух видах порядка выводит к проблемам самой «социальности» и «социальной науки». Так называемая «смерть социального» (по Ж. Бодрийяру) есть ни что иное, как поиск современным социумом новых форм социальности, идущим на замену исчерпавшимся и отжившим; это поиск через сопровождающую его полосу хаоса нового бытия социального. Современная социальность находится на пределе прежнего смысла. Следует понимать и большее: социальное всегда было и остается тонким общественно-рациональным конструктом,

вечно подверженным опасности внезапного разрушения или столь же внезапного, эмерджентного самовыстраивания.

2. Социальное управление есть в этом смысле тонкий, опирающийся на самоорганизацию общества, конструкт рациональной координации действий индивидов и социума. Управление социальной организацией, управление обществом представляют поэтому науку и искусство одновременно, синтез разумного и интуитивного в каждое мгновение социального времени. И «горная тропа» социальности (опять же по бодрийеровскому выражению) есть перманентное движение инновационного изменения общественного устройства. Удержание прежних форм

социального, экономического, политического управления без стремления осознать новые реалии социального, вне поиска и апробации инновационных и в то же время адекватных социуму форм социального управления может привести к «концу социального». Есть ли здесь выход?

3. Мы видим его в том, что современный человек способен создавать, пересоздавать и творить самого себя заново, хотя он и сформирован определенными культурами и традициями. Надежда на эту способность неотделима от идеалов свободы, идеалов демократического управления. А, следовательно, и проблема оптимальной степени *управляемости* современного общества лежит именно в этой плоскости.

Список литературы:

- [1] Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. Кн. 1.– М.: Экономика, 1989. – 304 с.
- [2] Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. – СПб.: Лань, 1999. – 480 с.
- [3] Гелих О.Я. Предпринимательство как социальный феномен // Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Гуманитарные и общественные науки. – 2003, № 3 (5). – С. 217–230.
- [4] Гелих О.Я. Справедливость и социальный порядок как дилемма современного управления // Управление: социально-философские проблемы методологии и практики / Под ред. О.Я. Гелиха, В.П. Соломина, К.В. Султанова, А.В. Тихонова. – СПб.: Книжный Дом, 2005. – С. 434–474.
- [5] Горюнов В.П. Предметно-социальное содержание благополучия в российском контексте // Управление и благополучие человека: материалы междисциплинарного методологического семинара по управлению: Выпуск восьмой / Под ред. О.Я. Гелиха и В.П. Соломина. – СПб.: Книжный Дом, 2011. – С. 28–44.
- [6] Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. Изд. 7-е. – М., СПб., Киев: Вильямс, 2010.
- [7] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
- [8] Мизес Л. Индивид, рынок и правовое государство: Антология / Под ред. Д. Антисери и М. Балдини; пер. с нем. – СПб.: Пневма, 1999. – 196 с.
- [9] Пайпс Р. Собственность и свобода. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 415 с.
- [10] Пигров К.С. Опыты аналитики благополучия // Управление и благополучие человека. – СПб.: Книжный Дом, 2011.
- [11] Пригожин А.И. Границы управляемости организационных систем // Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии: Материалы Всероссийской конференции / Под ред. А.В. Тихонова. – М.: ИС РАН, 2010.
- [12] Тихонов А.В. Социология управления: теоретический анализ / 2-е изд. – М.: Какнон+, 2007. – 472 с.
- [13] Управление и благополучие человека: материалы междисциплинарного методологического семинара по управлению: Выпуск восьмой / Под ред. О.Я. Гелиха и В.П. Соломина. – СПб.: Книжный Дом, 2011. – 298 с.
- [14] Хайек Ф.А. Дорога к рабству. – М.: Экономика, 2012.
- [15] Хайек Ф.А. Познание, конкуренция и свобода. – СПб.: Пневма, 1999. – 212 с.
- [16] Чернышевский Н.Г. Что делать? – М.: Художеств. лит-ра, 1963. – 488 с.
- [17] Эткинс П. Порядок и беспорядок в природе. – М.: Мир, 1987. – 224 с.
- [18] Fayol H. General and Industrial Management. – L.: Pitman, 1949.
- [19] Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy. V. 1. Rules and Order, part 2. – Chicago, 1973.
- [20] Hayek F.A. The Confusion of Language in Political Thought, in New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas. – L.: Routledge, 1978.
- [21] Mises L. Socialism. Liberty Classics. – Indianapolis, 1981.
- [22] Mises L. The Human Action. Contemporary Books. – Chicago, 1966.